

«Кос. Весты - 1993»
«Когда 17 апр. 03»

ВЫГОНЯЮТ ИЗ БОЛЬШОГО ТЕАТРА»

А может быть, изгнание художника - это благо? Мейерхольд уходит из Художественного театра и создает свою эстетику, свою философию театра. Шаляпина выгоняют из Мариинки в 1917-м, и мир приобретает гениального артиста, создавшего новую школу вокально-сценического искусства...

Но есть иные примеры. Группа обласканных в высоких сферах артистов добилась увольнения из Большого театра выдающегося дирижера Н.С.Голованова за недостаточное почитание их совершенства. До этого точно так же выкинули Самосуда, которому принесли приказ об увольнении из Большого, напечатанный на папиросной бумажке. Причины? «Неправильный» репертуар. Слабая работа с молодежью. Через четыре года аналогичную бумажку показали А.М.Пазовскому. А через четыре года - Н.С.Голованову. Затем «прижали к больничной койке» Мелик-Пашаева.

Дирижер Кирилл Кондрашин не стал дожидаться папиросной бумажки с бледно напечатанным на ней текстом об увольнении. Он открыл дверь Большого раньше. Так же поступили Светланов и Рождественский. Так выгоняли из Большого театра! Этой теме - боли выдающихся творцов нашего искусства - посвящена новая книга Бориса Александровича Покровского «Когда выгоняют из Большого театра» (издательство «Артист. Режиссер. Театр.», 1993).

Мастер оперного действия, всемирно известный режиссер, один из немногих практических теоретиков оперного театра, Борис Александрович Покровский тоже был некогда изгнан с подмостков Большого. Конфликт - двигающая пружина спектакля, основа драматургии, и в книге становится предметом исследования Б.А.Покровского. Только на сей раз это конфликт не сценический, а предлагаемые обстоятельства не выдуманы, а предложены системой руководства искусством, основанной на номенклатурном диктаторстве и беззвусии.

В Пр

ОТ
Б

культура

е н и е

мне талон
с заболел
прилагаетс

«На улице Софии встрече совсем еще не старого человека со старчески потухшим взглядом. Ба! Да это Марис Лиепа! Легендарный Красс из балета Большого театра «Спартак». Его Красс - устрасиющая красота агрессии, носитель страха и восторга, носитель искусства! «Здравствуй, Марис!» Он стоит серый и жалкий. Его выгнали из Большого театра, дав вместо пенки в известное место небольшую пенсию». Такой же удар испытал Покровский. Долой «Катерину Измайлову», «Семена Котко», «Мертвые души», долой Щедрина, Прокофьева. Даешь «Сельскую честь», «Паяцев», «Вертера»! Сидя в кабинете министра, под его диктовку Покровский выводит на бумагу просьбу об освобождении от Большого театра, Храма, в котором он служил сорок лет (!!).

Покровский не сводит счеты, не называет имен горстки «любимых народных артистов», хозяев райкомов и министерств. Влюбленный в оперу, всем своим творчеством доказавший, что опера - театр, Покровский и в книге исследует судьбы главных действующих лиц этого театра - Дирижера, Актрисы, Музыканта и Режиссера.

«Актриса! Где воспитывалась, у кого училась, откуда взялась, кто рекомендовал, где справки о победах на конкурсах? На эти вопросы никто ответил так и не получил - за ненужностью». Так начинает Покровский эссе, посвященное Галине Вишневской. Конец ее искрометной жизни на сцене Большого также был решен «петушиным царством», которое, «навозну кучу разрывая», выбросило за ненужностью жемчужное зерно. «Общественно-политическое движение» одержало сразу две победы - одним махом лишило страну двух выдающихся личностей! Это был большой и безусловный успех в деле очистки навозной кучи от жемчужных зерен».

Интересные новеллы из жизни Вишневской и Ростроповича переплетены с их творчеством, позицией, талантом. Мстислав Леопольдович Ростропович принадлежит всем не только как музыкант, но просто как человек. И первое чудо в этом человеке - добро. Но может быть, его музыка и прекрасна тем, что напоена добром? - спрашивая, отвечает Покровский.

Книги Бориса Александровича обычно «проиллюстрированы» оперными партитурами и фотографиями из спектаклей, созданных им в многочисленных театрах мира. Новая книжка проиллюстрирована уникальными документами, письмами, статьями и воспоминаниями людей, общение с которыми и труд которых, по словам Покровского, «сделали его жизнь целиком».

Аутодафе изгнания из Большого «звездным» худсоветом, сплоченным с «товарищем номенклатурой», герои книги пережили по-разному. Для Покровского единственной и испытанной мерой врачевания всегда была репетиция! И никакой механизм номенклатурного диктаторства не смог остановить художника, поднимающегося по ступеням профессионального восхождения.

«Хоть боль моя и жива, но спроси меня, хотел бы я повторить жизнь, повторить и этот мраком отмеченный ее кусок, снова пережить эту душевную экзекуцию?»

Я отвечаю: да, она была мне суждена для проверки на прочность, убежденность, для самоочищения, закалки».

Ирина ГОРЮНОВА.